

МАША
МОРАН

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию
ТЕМНЫЕ МИРЫ МАШИ МОРАН

В капкане у зверя

Отбор для Короля волков

Постучи в мою дверь. Отмеченная демоном

Постучи в мою дверь. Шепот демона

—x—
МАША
МОРАН
—x—

В КАПКАНЕ
У
ЗВЕРЯ

Издательство АСТ
Москва

Пролог НАСЛЕДСТВО

— **А**нечка, ты пойми... Яков Петрович человек тонкий... Его раздражают посторонние люди... А ты такая шумная, неуклюжая. Ты ему мешаешь. Он согласился нас приютить. Но не представлял, какой невозможной соседкой ты окажешься!

Аня сидела перед матерью и гадала, как можно быть *такой*? Она начала догадываться, к чему та клонит, но все равно оказалась не готова.

— Вот если бы ты продала дом, у нас было бы свое жилье...

Аня вцепилась в старый кухонный стол с такой силой, что вогнула в палец занозу. Но даже не заметила этого:

— Квартиру мы уже продали.

— Да, но кто же знал, что Феденька окажется проходимцем?! Он выглядел таким интеллигентным мужчиной.

Мать мечтательно вздохнула. Аня потеряла уставшие глаза:

— Ты должна была это понять, когда он просил денег и заставлял тебя продать квартиру.

— У нас была любовь! Это ты все меряешь деньгами!

Аня даже не хотела больше спорить. У нее не осталось сил. Одному богу известно, что происходит в голове у матери. Вместо того чтобы жить хоть и в маленькой, но уютной квартирке, она продала ее и отдала деньги какому-то мошеннику.

— Денег за бабкино наследство хватило бы на новую квартиру... — Мать потянулась к пачке сигарет. — Это нужно прежде всего тебе — жилье в Петербурге на дороге не валяется. А с дома в глуши что с козла молока. Мы бы переехали и перестали бы обременять Якова Петровича.

Теперь все ясно. Наверняка автором идеи и был Яков Петрович, интеллигент в четвертом поколении и очередной аферист. Аня встала из-за стола.

— Нет.

— Что значит «нет»? — С матери тут же слетела напускная расслабленность. — Я же о тебе забочусь, дура!

— Когда продавала нашу квартиру, тоже заботилась обо мне?

— Ах ты дрянь неблагодарная! Я все для тебя делала. Все! Красотой и молодостью своей пожертвовала, чтобы тебя воспитать. Это все твоя бабка виновата... Она меня ненавидела... Маразматичная идиотка! И ты такая же! Тебе она, значит, дом оставила... А мне? Мне?!

От визгов матери начала болеть голова. Аня сжала пальцами виски. Больно кольнула дурацкая заноза в пальце.

— А тебе она оставила квартиру, мама.

— Что?! — Мать уже не сдерживалась. Брызжка слюной, она размахивала руками. — Квартиру?! Ты тоже в ней жила, дрянь неблагодарная! А ну вон отсюда! Я всю жизнь на тебя потратила. Всю жизнь! А ты...

В Аню полетела тяжелая тарелка, и она едва успела отскочить в сторону. Выбежав из кухни, она метнулась в общую прихожую, где с недавних пор располагалась ее «спальня». Мать вылетела следом, продолжая орать оскорбления. Под руку ей попался журнал, которым она несколько раз умудрилась ударить Аню по лицу. Боль обожгла щеку и скулу. Кажется, острый глянec оставил несколько порезов на коже.

Закрываясь руками, Аня пыталась вытащить чемодан. Она специально купила его, громоздкий и тяжелый, но с двумя рядами крошечных замочков. Это хоть как-то могло обезопасить ее вещи от новоиспеченных соседей. С недавних пор они без зазрения совести ковырялись в ее одежде, забирая то, что понравится. Жить так больше невозможно.

— Куда ты собралась, дрянь, а? — Мать в очередной раз замахнулась и бросилась на Аню.

С трудом ей удалось перехватить руку и вырвать из цепких пальцев смятый журнал.

— Я уезжаю. Навсегда.

— Куда?! Куда?! Ах ты паскуда! Думаешь, она там тебе замок оставила?! Хрен ты получишь, поняла?! Поменяла мать на дом вонючий!

Мама себя уже не контролировала. Она кидалась на Аню, пыталась вцепиться ей в волосы и вlepила пощечину. Острые ногти оставили несколько болезненных царапин.

— Одних крыс там найдешь, поняла? Вот встретишь такого же, как твой папаша... Он тобой как подстилкой попользуется и выбросит с ребенком, никому не нужную. Ко мне потом плакать не при-

ходи! Твоя дочь с тобой так же поступит! Зря я тогда аборт не сделала. Дурой была, не знала, какую дрянь воспитаю...

Аня закинула на плечо рюкзак и изо всех сил вцепилась в ручку чемодана. Мать продолжала сыпать проклятиями, на радость высыпающим в коридор соседям. Едва сдерживая слезы, Аня выбежала из вонючей обшарпанной коммуналки. Что делать дальше?..

Бабушка умерла почти год назад, оставив Ане десятки воспоминаний, от которых наворачивались слезы. С Анфисой Павловой, или просто Анфисой, они виделись редко. Бабушка работала врачом в деревне и в Питер приезжала нечасто. Более того, она строго-настрого запретила и Ане навещать ее, не давала своего адреса и крайне неохотно отвечала на телефонные звонки. Аня не могла понять, в чем причина подобной секретности. Мать утверждала, что Анфиса работает на каких-то серьезных людей, чуть ли не бандитов. Но ее в этом случае интересовали лишь деньги. Аня же просто хотела семью. Смерть единственного родного, по сути, человека подкосила ее. Наверное, именно после этого и начались неприятности. Встреча матери с аферистом, продажа квартиры и вот теперь...

Нет никого, у кого можно попросить помощи. Коллеги считают ее странной и замкнутой. Редкие подруги заняты детьми и мужьями. А она одна. Ни мужа, ни защитника.

С мужчинами покончено уже давно. Все началось с отца. По словам матери, он был невероятным красавцем, от которого Аня унаследовала лишь цвет волос и форму носа. Он оставил их еще до Аниного рождения, назвав «своими ошибками».

А много лет назад она сама убедилась, насколько обманчива может быть внешность. Уж в этом-то мать оказалась права.

С Виктором они познакомилась случайно. Он был одним из самых популярных студентов. Она — тенью.

Они встречались в институтской столовой. Но, конечно, он не обращал на нее внимания. Он появлялся в компании ярких и уверенных сокурсников. А уходил, даже не посмотрев на нее. Ни одного взгляда! И так раз за разом. Аня устала быть бледной невидимкой. Что в ней не так? Лежа дома, в холодной постели, она придумывала сотни способов заговорить, познакомиться. Обещала себе, что обязательно решится подойти. Но наступал новый день, а она все так же восхищенно смотрела на него, оставаясь в своем уголке.

Однажды Аня все же осмелилась... Даже придумала план: она будет идти, нечаянно заденет его плечом, извинится и... Возможно, у них завяжется беседа.

В реальности все получилось иначе. Когда Аня шла мимо, ее кто-то толкнул. Кофе пролился на белоснежную рубашку того, с кем она так отчаянно пыталась познакомиться. Жуткое коричневое пятно было ее полным провалом. Неудачница. Девушки, стоящие рядом с ним, начали возмущаться и обвинять Аню, парни смотрели с брезгливостью, а он... Он улыбнулся. На этом все и закончилось. Аня даже перестала ходить в столовую. Теперь она не пыталась попасться ему на глаза. Наоборот — хотела скрыться, спрятаться. Да он и не искал ее. Аня смирилась с мыслью, что он давно уже забыл о ней, пока однажды красивый мужской голос не окликнул ее на выходе из института. Аня обернулась. К ней спешил он. Виктор.

Она не знала, чем заслужила такое счастье. Каждый день Витя ждал ее после учебы, водил в необычные кафе и рестораны, дарил цветы и забавные игрушки. Две недели пролетели как один день.

Вместе они провели чудесную ночь. Аня ходила сама не своя от счастья — ее первый мужчина был красивым, умным и добрым. Виктор тоже ходил довольным. Он все время улыбался и насвистывал что-то себе под нос. Все было прекрасно. Идеально. И все же дурное предчувствие не давало покоя. Аня не могла понять, в чем дело. Может, она просто боялась, что судьба заберет у нее столь опрометчиво подаренное счастье? Но она ведь тоже имеет право на любовь. Или нет?.. Конечно, нет. Все оказалось до смешного предсказуемо. Однажды она застучала Виктора в одном из кабинетов. Сразу с двумя девицами. Они посмеялись над ней. Едва ли не всей группой. Пospорили, сколько времени ему понадобится, чтобы «уломать скромницу на секс». Его слова до сих пор иногда звучат в ушах.

С тех пор Аня пообещала себе, что больше никогда не допустит подобного. Она влюбилась во внешность. В красивое лицо. И в этом была ее ошибка. Только поступки могут сказать о человеке хоть что-то. Да и они бывают обманчивы. Никому нельзя верить. Легче одной.

Аня и впрямь осталась одна. Тогда, после Виктора, ее поддерживала бабушка. Мать лишь издевательски хмыкнула, сказав, что Аня — обычная дура. Анфиса же успокаивала и утешала. Аня много ночей проплакала у нее на плече. Тогда она твердо усвоила: никто, кроме бабушки, ей не поможет. В ней Аня видела и подругу,

и защитницу, и даже мать. А теперь ее не было... Она вновь осталась одна. На распутье. Некуда идти. Некому довериться. Неоткуда ждать помощи.

Громкая трель мобильного заставила Аню испуганно вздрогнуть. Она вытащила из кармана телефон и взглянула на экран. Звонила Надежда Ивановна — ее начальница. Стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, она ответила:

— Да?

— Аня?! Немедленно в издательство! Это срочно!

Аня взглянула на чемодан, ручку которого сжимала изо всех сил. Словно он был якорем, способным удержать ее на поверхности, не дать затонуть и погибнуть.

— Я сейчас не могу...

— Что?! Как это не можешь?! Все ты можешь!

— Я... правда не могу... — Аня едва слышно всхлипнула и поспешила зажать рот рукой.

На другом конце возникла секундная пауза.

— Ты что... с молодым человеком?

Аня с трудом подавила истеричный смех.

— Нет, Надежда Ивановна. Я одна.

— Тогда приехать ты не можешь только в одном случае: если находишься при смерти. Все. Ничего не желаю больше слышать. Если не хочешь лишиться работы, то через час будешь у меня.

Надежда Ивановна отключилась, оставив лишь звенящую тишину. Лишиться работы? Она уже лишилась бабушки. Матери. И жилья... Остаться еще и без работы? Можно сразу прыгать с моста и прекратить собственные мучения. Аня же была трусихой. Она ни за что не осмелится покончить со всеми проблемами раз и навсегда. А еще она была наивной идиоткой и мечтательницей. До сих пор верила, что и на ее долю у судьбы припасено что-то хорошее. Нужно только подождать... Еще немного.

Глава 1 ПОБЕГ

— **А**нечка, сейчас на тебе все завязано. Лица хочет только твою оболочку. А мы теперь не в том положении, чтобы отказывать ее капризам. У Браненко — двойня. Они с Ирочкой зашиваются. А Герман задумал «Тайны и любовь» перезапустить. Ты же понимаешь: кроме тебя, некому с серией работать. Так что хватит слезы лить, детонька. В нашем деле так: чуть дашь слабину, и на твоём месте уже десяток новых. На талант не посмотрят. Хотя я признаю,

что такие, как ты, на дороге не валяются. Но никто не будет ждать, пока ты... соберешься с силами.

Надежда Ивановна взяла ее в оборот и битый час не выпускала из своего кабинета, втолковывая, как важно сейчас не опускать руки и работать, работать, работать. Словно действительно верила, что в работе спасение от всех неприятностей. Ане же хотелось уползти отсюда, забиться в самую глубокую нору, какую только сможет отыскать, и уснуть. Прижать колени к груди, закутаться в старое колючее одеяло и сделать вид, что ничего ужасного не случилось, что ее жизнь не жалкая и не убогая.

— Так что давай. Бери себя в руки и начинай трудиться! Работа — панацея от любой проблемы. Мигом забудешь обо всех неприятностях. А там что-то и хорошее случится.

Аня горько усмехнулась. В ее жизни очень редко происходило что-то хорошее. Да и затем обязательно следовала какая-нибудь неприятность. Наверняка и сейчас судьба уготовила ей очередную подлянку. В душе царило странное предчувствие: должно произойти что-то, что добьет ее окончательно. И никакая надежда на счастливое будущее ее уже не спасет.

— Я понимаю, на тебя многое сейчас навалилось. Но, как известно, работа — лучшее лекарство. Тем более, ты же знаешь Ликочку — она теперь ни о ком не хочет слышать, кроме тебя. Слышала, что она сделала с эскизом Петрушевского? Порвала у него же на глазах. Я думала, беднягу кондрашка хватит. Нервный срыв ему гарантирован. Но жив, и слава Богу.

Надежда Ивановна остановилась и поджала губы, всем своим видом выражая недовольство поведением чувствительного сотрудника. Закутавшись в шаль, она предприняла новую попытку наступления:

— Ну что ты приуныла? — Надежда Ивановна сняла очки и принялась протирать линзы. Изящная цепочка загадочно сверкала и будто гипнотизировала. — Давай поступим так: ты поезжай в этот свой Крельск, разберись с бабушкиным наследством, обживись в доме и приступай к работе. А связываться с тобой будем по почте и скайпу. Ликочка оставила рукопись, чтобы ты прочитала и... прониклась атмосферой ее нового... — Опять многозначительная пауза. — Шедевра, так сказать.

Аня машинально кивнула. Ей некуда было идти — дома она лишилась. Денег почти не осталось. Потерять еще и работу? Только вот где взять силы?.. Кажется, даже дышать сложно. В горле постоянно стоит ком.

— Ну что? Мы договорились?

Аня снова кивнула, чувствуя себя сомнамбулой. Как во сне, она встала и направилась к двери.

— Аня! Ну а рукопись?!

Во взгляде Надежды Ивановны читалось недоумение. Наверное, она до сих пор гадала, как можно так сильно поддаваться эмоциям и переживаниям. Спрятав рукопись, Аня выдавила едва слышное «до свидания» и вышла из кабинета. Когда она уже закрывала дверь, Надежда Ивановна громко крикнула:

— Как доберешься, позвони!

Аня тяжело вздохнула:

— Обязательно.

Разбитая дорогая опоясывала скалу. Мокрая потемневшая земля извивалась ядовитой змеей. Бугры и камни чем-то напоминали драконью шкуру. Если бы драконы существовали в реальности.

Аня устало прижалась лбом к стеклу, разглядывая то обрыв и буйную реку, то высокие стены сосен. Она даже предположить не могла, что в подобной глуши кто-то может жить. Совершенно дикое место.

А ведь до Крельска еще два часа езды. Что ее там ждет? Непроходимый лес и болота?

Автобус подпрыгивал на ухабах, проваливался в ямы, а иногда его и вовсе основательно потряхивало. На резких поворотах водитель-лихач и не думал сбавлять скорость. В такие моменты старушки, мирно посапывающие в полупустом салоне, начинали недовольно бухтеть и причитать. Очередной поворот разбудил дремавших бабулек, которые тут же принялись поносить водителя.

Аня снова уткнулась в окно. От ее дыхания прозрачная поверхность начала запотевать. Машинально она принялась чертить на стекле бессмысленные узоры. Наверное, желание рисовать на окнах заложено в человеке с рождения. Она улыбнулась своей мысли и неожиданно начала засыпать под тихое ворчание бабушек. Перед глазами уже мелькали сновидения, когда слух уловил обрывок фразы:

— ...Неужто не слыхала? В Крельске-то этом жутком опять дела странные творятся...

— Брось заливать, Семенна! Там уж почти никого и не осталось.

— Да я тебе точно говорю! Снова чертовщина какая-то приключилась. Притон у них там. Как пить дать, притон!

Аня выпрямилась на неудобном сиденье и прислушалась. Тот самый Крельск? Чертовщина? Притон? Его и на картах-то не найти. Маленькая деревенька, затерянная в глуши — тут даже дороги нормальной нет.

— Они там с проститутками развлекаются. — Шепотом, слышимым на весь автобус, заявила названная «Семенной». — А потом их того... Прикапывают в том же лесу. Шалав-то кто будет искать? Никто не будет. Вот богатенькие и веселятся. Секта, вот ей Богу!

Ее соседка перекрестилась и смачно плюнула через плечо, а Аня вновь отвернулась к окну. Это всего лишь сплетни, ведь так? Две старушки, которым больше заняться нечем. А она, глупая, слушает, вместо того чтобы делать наброски. У нее полно работы, которая «лучшее лекарство от всего» и единственный способ не сдохнуть с голода. А вдруг там действительно что-то происходит? Не зря ведь бабушка не хотела, чтобы Аня навещала ее в Крельске, не просто так адреса своего не давала.

Автобус остановился. Открылись двери. Кряхтя выбрались последние пассажиры — Семенна и ее безымянная подруга. На унылом указателе значилось «Птичий».

Аня осталась одна. Чем дальше они ехали, тем более дикой становилась местность. По обе стороны от дороги непроходимой стеной высились деревья, а впереди тонули в тумане островерхие горы. Ни одного указателя, ни одного домишки — не то что деревни. Пошел снег. Показалось или в густых зарослях мелькнули олени рога? Впереди, на горных склонах примостились высокие ели. Они были странной формы — как будто изогнутые, макушки словно клонились к земле. Деревья стремительно покрывались снегом. Из-за тумана и парящих в воздухе снежинок казалось, что с неба свешивается белая простыня. Жутковатая пелена, разделяющая жизнь на две разных части.

Ане стало не по себе. Не совершает ли она ошибку? Может, мать была права? Продали бы дом и купили квартиру. Это если бы хватило денег. Судя по тому, что рядом ни одного дома, а автобус поднимается все выше в гору, ничего, кроме развалюх, здесь нет. Кто будет жить фактически в лесу? Аня поняла, что ни капли не удивится, если увидит убогую лачугу с протекающей крышей и висящей на одной петле дверью. Она была готова к тому, что придется спать едва ли не в сарае. Но даже это лучше того, во что начала превращаться ее жизнь.

Выбравшись из вязкой жижи, автобус снова подскочил на ухабе. Аня отвлеклась от безрадостных мыслей и полезла за телефоном. Почти пять часов прошло с того момента, как она поднялась

по высоким ступенькам и заняла место у окна. Когда же, черт возьми, они приедут?!

Рискуя переломать шею и ноги, когда автобус в очередной раз чуть ли не взлетел над землей, Аня встала и направилась к водителю. Жизнерадостный старичок что-то напевал себе под нос.

— Скажите, а до Крельска еще далеко?

Забыв про дорогу, он повернулся и окинул Аню таким взглядом, которым смотрят на теряющих рассудок людей.

— За следующим поворотом высажу тебя. А дальше сама.

— В каком смысле «сама»?

Аня едва не упала, в последний момент успев схватиться за поручень. Впереди не было видно даже признаков человеческого присутствия.

— А вот так. Я на разворот там иду.

— Но мне сказали, автобус идет прямо до Крельска.

Водитель фыркнул в пышные усы:

— Не знаю, кто там тебе такое сказал. Мы до Крельска никогда не ходили. Там вроде как элитный поселок, все со своими тачками — кому надо, сам добирается.

Паника, которую она с трудом пыталась подавить, начала просыпаться и поднимать уродливую голову. В горле снова встал комок. Да сколько ж можно?!

— И далеко еще... самой добираться?

Водитель бросил на нее еще один взгляд. На этот раз жалостливый:

— Видать, здорово он тебя приложил, да?

Аня знала, куда он смотрит: на фиолетовый синяк с двумя порезами. Но от того, что это сделала мать, стало стыдно. И она промолчала.

Старик вздохнул:

— Деревня в горах — во-о-он там. — Он указал пальцем на высокую гору, но Аня, естественно, не смогла там ничего разглядеть. — Но я без понятия, как туда добраться. Да и тебе бы не советовал. Ты уж лучше пойди, заявление в ментовку напиши. Живее будешь. В этом Крельске, говорят, жуть всякая творится.

Аню прошиб озноб.

— Какая жуть?

Водитель замялся:

— Ну-у-у... Местные из «Птичьего» даже приближаться к горам боятся. Хотя между ними несколько часов езды. Конечно, в селе люди суеверные. Это вы, городские, ни во что не верите. Но я тут чего только не понаслушался.

Он резко крутанул руль. Автобус обогнул выступающий пятак леса и выскочил на перекресток. Раскисшая от снега дорога разветвлялась на два рукава. Один уходил влево, теряясь в густой чащобе, среди поваленных деревьев и покрытых ледяной пленкой луж. Другой огибал хлипкий указатель без надписи и поворачивал обратно.

— Приехали! — Водитель резко затормозил и открыл дверь. — Может, все-таки обратно?

Аня с ужасом осмотрелась. Вокруг — лес, горы, грязь, и больше ничего.

— Уж лучше с таким... — Водитель кивнул на ее синяк. — Ты на рожон не лезь. Помашет кулаками и успокоится. А там, — кивок в сторону гор, — неизвестно что. Кто знает, что у богачей на уме.

Аня невесело усмехнулась. А если бы ее действительно избил муж или парень? Пора смириться с тем, что помощи ждать неоткуда. Аня вернулась к своему месту, забрала рюкзак и чемодан и пошла на выход. Уже у двери она остановилась и спросила, заранее предчувствуя ответ:

— В какой стороне Крельск?

Водитель посмотрел на нее как на умалишенную и ткнул пальцем в сторону леса.

— Туда.

Аня сильнее сжала ручку чемодана:

— Может... Вы бы... Смогли довести меня? Я заплачу.

— Там дороги нормальной нет. Да и расписание у меня. Работы лишаться никто не хочет. — Водитель моментально утратил благодушность и желание делиться советами.

Видимо, богачей из поселка он боялся больше потери работы. Аня кивнула и с трудом подняла чемодан.

— Спасибо...

Ноги утонули в вязкой жиже. Ботинки не защищали от холода. Автобус повернул вправо, вильнул на ухабе и скрылся за поворотом. Вокруг стояла почти волшебная тишина. Снежинки опускались на листья, едва слышно шурша. Коротко булькнув, с хвоинок падали в лужи холодные капли. От запахов леса — сырой земли и гниющих листьев — кружилась голова.

Ни одной живой души и даже признаков жилища. Таща чемодан, Аня подошла к кривому деревянному указателю. На нем был вырезан месяц, и больше ничего. Что это означало? Аня провела пальцем по холодной дощечке, надавливая на глубокие борозды.

И как ей поступить? Возвращаться домой? Но у нее теперь его нет. Куда она пойдет? Ночевать на работе? Подруг тоже не особо

много. Да и сколько она у них проживет? Глаза защипало от слез. Нет, она не будет плакать.

Аня осмотрелась еще раз, пытаясь хоть немного отвлечься. Но стало только хуже, когда она поняла, куда попала. Жалкая тропа терялась в тайге. И как попасть на гору, где прятался неведомый Крельск, она не представляла. Твою мать! Почему ей так не везет?! Жуткое отчаяние заполнило легкие. Она либо умрет от холода, либо ее разорвет на части какой-нибудь зверь. Снег усилился.

Натянув на рот шарф, Аня поправила лямки рюкзака, удобнее перехватила ручку чемодана и медленно побрела в сторону леса. Как будто у нее есть выход.

Как-то же бабушка добиралась сюда. Вот и у Ани получится. Если выживет.

Громкий гудок автомобиля заставил подпрыгнуть. Аня обернулась и едва успела отскочить в сторону — на бешеной скорости на нее неслась серебристая иномарка. Аня упала в грязь, обдирая лицо и руки о колючие ветки кустов. Слезы боли и унижения все-таки выступили на глазах. Не плакать! Что угодно, только не плакать! Нужно выбраться. Встать с холодной земли, выползти из коричневой жижи и идти дальше.

Острые голые сучки больно царапали кожу. С головы слетела шапка. Ладони оказались стесаны и саднили. Господи... Да когда же это закончится? Неужели ей еще не хватит мучений?! Аня огляделась в поисках шапки. Снег уже успел намочить спутавшиеся волосы, и холод тут же пробрался под неудобную куртку. Вишневым комком шапка колыхалась в луже. Неловко повернувшись, Аня потянулась и вскрикнула от боли — куст вцепился в пряди. Она пыталась высвободиться из плена изогнутых прутьев и даже не обратила внимания на визг тормозов и звук открываемой двери.

— Боже... Вы живы? С вами все в порядке? Где вы?

Ане удалось выбраться обратно на дорогу. И тут же на нее налетел ураган. Женщина с золотистыми локонами и огромным животом. Черт! Она угодила под колеса беременной.

— А, вот вы где! С вами все хорошо? — Незнакомка принялась ощупывать Аню и трясти из стороны в сторону, как куклу. — О-о-о. — Ее взгляд скользнул по Аниному лицу. — Боже мой, простите... Мне так стыдно... Я езжу очень аккуратно, правда. Но здесь никогда никого не бывает...

Она снова встряхнула Аню и потянулась к ее голове. Аня испуганно отшатнулась, но знакомка вытащила из ее волос несколько хвоинок и тяжело вздохнула. В голове царил сумбур, все перепуталось.